

ЗВУКОНАИМЕНОВАНИЯ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

Ирина Витальевна Багмут

(Ирина Віталіївна Багмут, Національний педагогічний університет імені
М.П. Драгоманова, ІУФ, Кафедра української мови –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék, i_bagmut@ukr.net)

Предлагаемое исследование звуконаименований на материале современного украинского литературного языка ставит своей целью решение следующих задач: 1) определение места анализируемых единиц в идеографической структуре и 2) выяснение природы конкретного и абстрактного в звуконаименованиях.

Лексику, которая номинирует звуковые явления, процессы, признаки, можно отнести к одной из древнейших тематических групп: обозначение человека (в частности, характеристики его речи), названия предметов естественной среды в широком понимании этого термина (Грищенко 2002: 159). Значительное количество акустической лексики было сформировано еще в праславянский период развития языка. Например, *клекотати* < псл. **klekь-tati*, **klegьtati* ‘клекотати’, образование звукоподражательного происхождения, сродни лит. *klegėti* ‘клекотати, галасувати, реготатися’ (ЕСУМ: II, 457–458); *брязкати* < от междометия *брязь*, вероятно, восточносл. **brę(k)-z-*, производное от псл. **bre-n-(k)-*, **brь-n-(k)-* (ЕСУМ: I, 272); *зук* < псл. **gukь* (**hukь*, **xukь*), **gukati* (**hukati*, **xukati*), производное от звукоподражательного междометия **gu* (**hu*, **xu*) (ЕСУМ: I, 615); *плескити* < псл. **pleskь* ‘плеск’, звукоподражательное образование, очевидно, сродни лит. *pleškėti* ‘ляскати, плескати’ (ЕСУМ: IV, 439) и т.д.

Выяснение природы единиц, которые номинируют звуковые явления и процессы, дает основания трактовать большинство значений звуконаименований как мотивированные. Соответствующие глагольные звуконаименования имеют междометную и звукоподражательную природу (например, *шипіти*, *сичати*, *ойкати*, *тпрукати*, *музикати*, *мекати*), а преимущественное большинство звукообозначений-существительных – это названия, мотивированные этими глаголами (например, *шипіти* – *шипіння*, *сичати* – *сичання*, *ойкати* – *ойкіт*, *тпрукати* – *тпрукання*, *музикати* – *музикання*, *мекати* – *мекання*).

Мотивированные звуконаименования-существительные могут: а) повторять семную структуру глагола (например, *чмихання* – действие со значением *чмихати* и звуки, образуемые этим действием (ВТССУМ: 1380));

б) повторяют лишь некоторые особенности значения глагольного звукоименования (например, *вуркіт* – ‘несильное, низкого тембра переливистое звучание’ (СУМ: I, 788) и *вуркотати* – ‘издавать несильные переливистые звуки низкого тембра. // Тихо, переливисто говорить’ (СУМ: I, 788)); в) иметь собственные семантические компоненты (например, *розголос* – перен., редко. ‘шум, гам’ (ВТССУМ: 1046) и *розголошувати* ‘предавать огласке, обнародовать что-либо. // Делать широко известным, популярным’, ‘пускать слух’ (ВТССУМ: 1046)).

Словник української мови в 11-и томах (СУМ) фиксирует около 2800 лексем, которые содержат в прямых номинативных, производных и переносных семемах сему ‘звук’. Это составляет около 2% от общего количества слов, представленных в словаре. Согласно лексикографическим источникам, в современном украинском литературном языке свыше 5500 семем с семой ‘звук’ (около 1600 существительных, 2500 глаголов, 600 прилагательных, 400 наречий и 400 фразеологизированных ЛСВ). Среди упомянутого количества первичных ЛСВ с семой ‘звук’ 1580 (638 существительных, 630 глаголов, 196 прилагательных, 116 наречий), вторичных – 3505 (835 существительных, 2100 глаголов, 334 прилагательных, 236 наречий), переносных – 468 (124 существительных, 226 глаголов, 70 прилагательных, 48 наречий).

По материалам *Оберненого частотного словника сучасної української художньої прози* (ОЧС) можно сделать вывод, что звукоименования имеют высокий уровень частотности. Например, абсолютная частота употребления таких звукоименований, как *тріщати* (ОЧС: 66), *ревти* (ОЧС: 66), *співучий* (ОЧС: 134), *дзвінко* (ОЧС: 157), *тонко* (ОЧС: 157), *гамір* (ОЧС: 170), *мовчання* (ОЧС: 198), *стукати* (ОЧС: 59), *шептати* (ОЧС: 63) составляет 10 и больше; *реготати* (ОЧС: 63), *гриміти* (ОЧС: 77), *шуміти* (ОЧС: 77), *гомоніти* (ОЧС: 78), *крик* (ОЧС: 141), *дзвін* (ОЧС: 152), *глухо* (ОЧС: 167), *галас* (ОЧС: 172), *вголос* (ОЧС: 173), *свист* (ОЧС: 176) – 20 и больше; *дзвеніти* (ОЧС: 77), *спів* (ОЧС: 33), *гукати* (ОЧС: 58), *звучати* (ОЧС: 65), *гудіти* (ОЧС: 77), *глухий* (ОЧС: 133), *шум* (ОЧС: 150), *гомін* (ОЧС: 152), *регит* (ОЧС: 175), *гуркіт* (ОЧС: 175) – 30 и больше; *кричати* (ОЧС: 65), *голосно* (ОЧС: 164) – 50 и больше; *мовчки* (ОЧС: 43), *співати* (ОЧС: 47), *тихо* (ОЧС: 167), *голос* (ОЧС: 173), *сміх* (ОЧС: 179) – 100 и больше и т.д.

Словарный состав современного украинского литературного языка (как и любого другого) не дает полной картины отображения действительности, но он обеспечивает максимальную комфортность человеку в общении. Физиологически человек не в состоянии охватить бесконечное разнообразие акустических свойств того или иного объекта. Человеческое ухо способно непосредственно воспринимать небольшую часть звуков окружающей среды. С другой стороны, органы чувств дают больше информации о мире в сравнении с тем, что дает язык. Лексикализация же понятия свиде-

тельствует о его особенной ценности и фундаментальности для определенной культуры (Кронгауз 2001: 126).

Основываясь на общем принципе о лексическом составе языка как упорядоченной по определенным закономерностям лексико-семантической системы, элементы которой связаны разными типами семантических отношений, исследования лексики ученые совершают вокруг триады **«вселенная – человек – человек и вселенная»**.

В лингвистической литературе нет возражений относительно того, что анализируемые лексические единицы представляют в словаре языка сенсорную лексику, которая выражена разными частями речи и играет важную роль в отображении действительности и формировании языковой картины мира.

Одни ученые, учитывая информативность зрения и слуха, признают такую иерархическую последовательность сенсорных сфер: зрение – слух – осязание – вкус – обоняние; другие (на основе частотности тактильных ощущений как исходного пункта и слуховых ощущений как конечного пункта в синестетических переносах) представляют иерархию: осязание – вкус – зрение – слух (Williams 1976: 463). Поскольку акустические лексемы занимают второе по количеству место после лексики визуального восприятия (потому что зрительный анализатор филогенетически самый молодой (Мансуров 1963: 43)), то правомерным является первый подход. Не вызывает возражений и факт зачисления соответствующей лексики чувственного восприятия к идеографическому полю «Бытие» (Денисенко 1987: 36).

Некоторые исследователи выдвигают тезис о невозможности единой «правильной» классификации понятий, которые лежат в основе лексем (Кронгауз 2001: 159), но вместе с тем не отрицают сам факт классификации. Любое семантическое поле входит в состав макрополя, или идеографического поля как его составляющая. Звуконаименования являются логическими константами, поэтому имеют одинаковую концептуальную интерпретацию в разных языках. В философской логике единицы исследуемого класса принадлежат к «перцептивным» событиям (Ишмуратов 1997: 169). Если за эталон взять словарь Халлига-Вартбурга (цитируем по (Караулов 1976: 38–50)), то лексику, которая обозначает звук, можно разместить в таких тематических структурах: «Вселенная» → «Животный мир» → «Крики животных и птиц» (например, *скавучати, тьохкати, рохкання, щebet*); «Человек» → «Человек как живое существо» → «Пять чувств» → «звук» (например, *гупання, сюрчання, перегуд, пирхати, рокотати*); «Человек» → «Человек как общественное существо» → «Язык» → «говорение» (например, *балаканина, шепіт, гомоніти, лепетати*); «Человек и Вселенная» → «Качества и состояния» → «качества звука» (например, *скреготливий, скрипучий, гучний*).

Согласно идеографической классификации Ж.П. Соколовской (1990: 62, 70–71), исследуемая лексика находится в таких иерархических отношениях: «Движение» ← «Конкретные действия, процессы и состояния» ← «Звуковые колебания» (например, *скиглити, сичати, свистіти*); «Качества» ← «Субстанциональные качества» ← «Звук» (например, *брязкітливий, унісонний, голосний*); «Качества» ← «Целостная характеристика живых существ, человека» ← «голос, манера говорить, тон, речь» (например, *пискливий, уривчастий, фальцетний, півголосний*).

В тематической классификации А.И. Смирницкого группа «Звук» принадлежит к разряду «То, что непосредственно дано человеку в опыте (ощущение, звук, свет)» (Akhmanova 1977: 55–56).

На материале украинского литературного языка проблематика идеографических исследований и принципы построения соответствующей классификационной схемы детально описана в монографии Ю.Ф. Прадида (Прадід 1997). И хотя названная идеографическая схема была предложена при анализе фразеологических оборотов слов, ее можно использовать для определения места исследуемой лексики в структуре словарного состава языка: Вселенная → Живая природа → Человек → Психические процессы: а) → Познавательные процессы → Ощущения → Экстероцептивные ощущения → Слуховые ощущения; б) → Процессы речи.

Похожее идеографическое структурирование предложила Т.Г. Никитина (1995: 77–78), объединив категорию «Слух» с группами «Человек в мире вещей», «Природа и человек» и выделив среди лексики, которая обозначает звук, группу «Голос, речь».

Идеографические классификации показали, что в звукоименованиях пересекаются физический и психический миры, потому что в их внутреннюю семантическую структуру входят все семемы, которые обозначают акустические сущности, в том числе и семемы, которые обозначают речь.

Таким образом, во всех идеографических классификациях звукоименования принадлежат к классу единиц, которые номинируют бытие, физические состояния и свойства живых существ, организмов, их жизнедеятельность, состояния окружающей среды (Бабенко 1999: 349–380, 444–458, 473–486; Шведова 2003: 109–117).

Дискуссионным остается вопрос об отнесенности звукоименований к сфере конкретного/абстрактного. Одни лингвисты признают абстрактный характер семантики звукоименований (Щерба 1958), другие – говорят об их особом статусе (Шахматов 1941; Виноградов 1972).

А.А. Уфимцева (1974: 100–116) такие имена, как *звон, свист, треск* и подобные, относит к сфере конкретной лексики, которая обозначает представление о материальной действительности как результат чувственного восприятия (Уфимцева 1986: 54).

По М.В. Никитину (1988: 78–80), исследуемые единицы, например, *эхо, выстрел, крик, звук, залп, музыка*, являются промежуточными между категориями речи и признака. Автор называет такую лексику конкретно-абстрактной, вещественной с нечеткими границами или же такой, которой свойственна предметно-призначная двойственность.

Отрицая предметный статус лексики, которая номинирует разнообразные звуки и шумы, исследователи традиционно трактуют ее как такую, что обозначает вещи и предметы, которые принадлежат материальному миру и доступны непосредственному зрительному или тактильному восприятию (Дементьева 1982: 7–8; Шведова 2003: XIX). Природу же абстрактного определяют как название охватываемых умом сущностей, которые не имеют прямых, непосредственных связей и отношений с реалиями материального мира. Можно все же не согласиться с этим утверждением, потому что звуконаименования обозначают физически осознаваемый денотат, а звук – это физическая категория, которая имеет материальное выражение благодаря колебанию, детерминированному определенным действием. К тому же, обозначаемые звуконаименованиями акустические явления поддаются количественным исчислениям, хотя и не воспринимаются тактильно или визуально. Поэтому звуковое действие можно квалифицировать как своеобразное воздействие физического тела на органы слуха.

Анализ звуконаименований дает основания сделать следующие выводы:

1. Понятие ‘звук’ четко выступает во всех идеографических схемах как явление физического и психического миров. Соотнесенность логической и семантической природы звуконаименований с конкретной сферой человеческого опыта, со слуховыми ощущениями, их объективной стороной, то есть способностью слуховых ощущений воспринимать признаки предметов материального мира, которые влияют на этот орган чувств, обосновывает существование лексико-семантического поля звуконаименований.

2. Звуконаименования – это единицы, в значениях которых сложно провести разграничение между абстрактным и конкретным. При объединении единиц с архисемой ‘звук’ в лексико-семантическое поле в упомянутой структуре часто обнаруживается нечеткость границ между отдельными участками системы. Очевидно, что для исследуемых единиц понятие семантического поля является не настолько четко очерченным, как для слов, которые называют конкретные реалии. Конкретность звуковых значений не идентична конкретности предметных вещественных значений. Если вообще правомерно рассматривать проблему конкретности/абстрактности на основании полевого подхода, то звуковые значения следует отнести к периферии конкретности, которая соприкасается и взаимодействует с периферией

абстрактности, где расположены слова с широкой понятийной основой и обобщенные значения родового характера, приближенные к ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, Л.Г. (ред.) 1999, *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Москва: АСТ–ПРЕСС.
- Виноградов, В.В. 1972, *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа, 2-е изд.
- Грищенко, А.П. (ред.) 2002, *Сучасна українська літературна мова*. Київ: Вища школа.
- Дементьева, Н.А. 1982, *Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках*. Диссертация. Москва.
- Денисенко, О.И. 1987, *Микрополе «звучащий» как целостный фрагмент лексико-семантической системы языка*. Диссертация. Кировоград.
- Ишмуратов, А.Т. 1997, *Вступ до філософської логіки*. Київ: Абрис.
- Караулов, Ю.Н. 1976, *Общая и русская идеография*. Москва: Наука.
- Кронгауз, М.А. 2001, *Семантика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Мансуров, Н.С. 1963, *Ощущение – субъективный образ объективного мира*. Москва: Высшая школа.
- Никитин, М.В. 1988, *Основы лингвистической теории значения*. Москва: Высшая школа.
- Никитина, Т.Г. 1995, К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря. *ВЯ* № 2, 68–82.
- Прадід, Ю.Ф. 1997, *Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень)*. Київ–Сімферополь.
- Соколовская, Ж.П. 1990, *Проблемы системного описания лексической семантики*. Київ: Наукова думка.
- Уфимцева, А.А. 1974, *Типы словесных знаков*. Москва: Наука.
- Уфимцева, А.А. 1986, *Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики*. Москва: Наука.
- Шахматов, А.А. 1941, *Очерк современного русского литературного языка*. Москва: Учпедгиз.
- Шведова, Н.Ю. (ред.) 2003, *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, т. 3. Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество*. Москва: Азбуковник.
- Щерба, Л.В. 1958, *Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

- Akhmanova, O. 1977, *Optimization of natural communication systems*. The Hague: Mouton.
Williams, J. M. 1976, Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change. *Language* 52, № 2, 461–478.

СЛОВАРИ

- ВТССУМ – *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Київ–Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002.
ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови, тт. I–VII*. Київ: Наукова думка, 1982–2003.
ОЧС – *Обернений частотний словник сучасної української художньої прози*. Київ: Спалах, 1998.
СУМ – *Словник української мови, тт. I–IX*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.